

Письмо 16. Зигзаги удачи

Тот, кто в своих неудачах обвиняет других, рассуждая логически, должен также признать их долю в своих успехах.

Говард У. Ньютон

Когда моя дочь от первого брака Таня вышла замуж, она привела на свидание со мной мужа. Парень мне очень понравился. Боря, как и Таня, окончил институт с отличием, оба они математики-кибернетики, хорошо знали английский язык. В парне чувствовалась целеустремленность, напор, желание совершенствоваться и учиться дальше.

Но это было не лучшее их время. Боря трижды пытался поступить в аспирантуру, успешно сдавал все экзамены. Не принимали. При последней попытке, в институт, который был связан с его отцом, Боря даже успел опубликовать пару статей, за него обещал похлопотать знакомый отца - замминистра этой отрасли. Но, как назло, накануне зачисления два еврея из этого института со скандалом отбыли в Израиль; Борю, конечно, опять не приняли. Ребята были в полном шоке. На мое предложение помочь, дочь саркастично заметила, что «уж такие люди пытались... Попробуй».

У Бори было как раз такое образование, которое входило в моду, и его можно было пристроить в любой технический институт, где осваивали компьютеры, математическое моделирование и т.п. Я решил взять его в свой академический НИИ, чтобы иметь возможность заботиться о нем и дальше, а главное, с тайной мыслью сблизиться с дочерью. Главное, я считал необходимым поломать в нем психологически возникший стереотип неудачника, который обрекал его, а следовательно, и его жену, на безрадостное существование.

Привыкший к трудному, но всегда успешному решению почти всех проблем, понимая, что втащить еврея в Академию наук СССР не просто, я взялся за дело. Было лето. Я отложил отпуск, три с половиной месяца я ежедневно занимался этой проблемой - никто из моих знакомых не мог понять, что только ради дочери я устроил себе такое «развлечение».

Первым делом нужно было заручиться местом у себя в институте. Директор сам был во втором браке с аналогичной ситуацией, неплохо ко мне относился, и дал согласие, при условии поддержки партийного секретаря. Того я знал еще по ВУЗу, он числился моим приятелем, долго уговаривал меня отступить («Слушай, зачем тебе это нужно?»). Видимо, прямого письменного запрета на прием евреев в Академию наук не было: черт его знает, вдруг этот еврей получит, как какой-нибудь Ландау, Нобелевскую премию, и начнут доискиваться, кто его не пускал в науку. Переговоры продолжались целый день, в течение которого я возил на своей машине партийного секретаря по разным учреждениям для оформления его заграникомандировки. И я уломал его. Штатная единица в математической лаборатории была, и зав, мой хороший товарищ, обещал держать ее, сколько возможно, т.е. пока ее не «съедят» ради какого-нибудь сильно блатного претендента.

Теперь надо было забрать Бориса из того института, где он успешно, но бесперспективно работал. Оказалось, что уволить молодого специалиста,

принятого по распределению, еще труднее. Мощный бюрократический аппарат Министерства не мог решиться на это. Можно было только оформить перевод по письму из отдела кадров Академии наук. Чтобы достать такое письмо на еврея, я вошел в неформальный контакт с кадровичкой Академии. Чтобы войти в этот контакт, я как раз начал оформлять заявку от группы сотрудников нашего института на премию Совета Министров СССР; оформление производилось через отдел кадров АН. Все мои коллеги ушли в отпуск, но я остался, и взял на себя эту бесперспективную заботу. Кто бы поверил, что причина была в Борисе? Контакт с кадрами АН завершился французскими духами и необходимым мне письмом. Единственно, с меня взяли слово, что в министерстве все договорено и отказа не будет. Далее, через соавтора по оформляемой премии был организован звонок от зав. отделом Госплана СССР замминистра по кадрам Борькиного министерства.

Вся эта невероятная «буря в стакане воды» ради 120-рублевого младшего инженера лопнула, как мыльный пузырь. Борьку преследовали неудачи. Замминистра отлучился на неделю в командировку, и какой-то чиновник, бывший «не в курсе», послал отказ в Академию наук.

- *Как же ты теперь договоришься с той женщиной из отдела кадров? - спросила меня Таня.*

- *У меня был только один случай в жизни, когда я не смог договориться с женщиной. Это была моя мама, - грустно сказал я.*

Параллельно я вел разведку в Борином институте. Там как раз вернулся из отпуска мой приятель, начальник отдела, у которого я год назад был оппонентом по диссертации. Он поговорил со своим приятелем - зам. директора «по кадрам и режиму». Тот обещал не препятствовать, если кто-нибудь из Бориного начальства напишет положительную резолюцию, поскольку иначе институт могли обвинить в «разбазаривании кадров молодых специалистов». Однако, зав лабораторией, которому я пообещал помочь с диссертацией, пожаловался на меня, что я его хочу подкупить. У меня был один гениальный друг, который умел находить нетривиальные решения.

- *А ты пусти слух, что Борис собирается эмигрировать в Израиль. Его выигнут!*

Честно говоря, это был простейший выход, но я побоялся: МГБ оперативно передало бы информацию, и на Борькиной карьере можно было бы поставить крест. Я сумел договориться с профессором, зав. отделом, честно объяснив ему проблему, и вопрос внезапно решился, когда Борис уже был в полном отчаянии. Когда я вышел из кабинета с подписанным заявлением, Боря нервно метался по коридору. Я дал ему 3 рубля и отправил за тортом для отдела кадров.

После преодоления этого дурацкого барьера, дела пошли лучше. Парень немного приободрился, но ментальность неудачника еще долго не отпускала его, хотя был он человек исключительно способный и работоспособный. Я взял его с собой в командировку в Норильск, где очень остро стояла проблема экологии. Я «купил» огромный массив экологической информации, взяв в аспирантуру начальницу экологического отдела Норильского комбината. Борис за два года, работая с норильскими данными, не только помог моей аспирантке, но и самостоятельно сделал интересную работу по принятию экологических решений. Его диссертация по горняцкой специальности была готова, но я считал, что для

дальнейшей карьеры ему лучше защищать по кибернетике - его основной специальности. В Институте системных исследований я нашел профессора - специалиста по принятию решений. Этот уникальный в стране специалист, имел одну проблему: никакие начальники - министры, члены Политбюро, секретари обкомов партии - не хотели спрашивать его, как им принимать решения. Он ухватился за наше живое дело, став Бороным научным руководителем. Это почти на год отодвинуло защиту диссертации, но, наконец, она была назначена в самом солидном ученом совете по технической кибернетике и теории управления.

В день защиты я с трудом дозвонился до своего приятеля Анатолия - профессора, зав. кафедрой кибернетики. Он был основным оппонентом; диссертация и подготовленный отзыв давно уже были у него.

- Толя! Ты помнишь, что ты сегодня в 12 часов оппонировал в Институте системных исследований, а сейчас 11.

- Ты знаешь, Лева, я, оказывается, не имею права оппонировать, как член ВАКа (Всесоюзной аттестационной комиссии, где утверждались ученые звания). Извини, я это узнал недавно. Диссертация хорошая, и я пригожусь тебе в ВАКе, но сегодня позиции другого оппонента.

Защита срывалась, отдвигаясь на месяцы. Прокомментировав ситуацию в нелитературном выражении, я сказал:

- Хорошо. Сейчас некогда разбираться. Чтоб ты через 20 минут стоял с диссертацией и отзывом у дверей своего института. Я подъеду на машине.

Что такое неудачник, и как с ним бороться? Я поднялся на этаж, и, к счастью, нашел на месте своего друга - профессора К.

- Давид! Быстро одевайся, я по дороге тебе все расскажу, едем на защиту Бориса. Ты будешь официальным оппонентом.

- Как? Что? Да я диссертации не видел...

- Давид! Одевайся. Разговаривать некогда. Я тебе в машине все расскажу.

- Что, таки нужно?

- Ну конечно. По зарез нужно.

- Ладно, поехали.

Толя честно ждал около своего института. Быстро всунул диссертацию с отзывом Давиду в окно машины. В вестибюле Института системных исследований, куда мы подъехали в 11.59, рыдала Таня, считая, что раз Боря не приехал на свою защиту, значит все... Слава Богу, предыдущая защита задержалась. Я даже успел уговорить еще одного профессора Р. выступить в прениях; он только просил вызвать его с заседания комиссии по зарплате за 5 минут до начала прений. В общем, Борька доложил хорошо. В зале заседаний сидел еще доктор Н. - мой коллега по капустникам в Московском Доме Ученых, его и просить не пришлось. Проголосовали единогласно.

Несмотря на все процедурные накладки, работа Бориса оказалась настолько интересной, что я решил послать ее на конкурс «Премия Ленинского комсомола СССР». Председателем комиссии по науке был академик Л., который был моим «должником» по выборам в академики. Для надежности я организовал «бригаду», включив в нее секретаря комсомольской организации нашего института и четырех армянских комсомольцев - моих заочных аспирантов. На диссертации переклеили обложку. Все оформили от имени ЛКСМ Армении. В первый год работа случайно

попала не в ту комиссию - последний раз сработал Борькин менталитет неудачника. Но на следующий год все получилось. В институте шел ученый совет и директор как раз распекал кибернетическую лабораторию за бесплодность, когда секретарша подала ему правительственную телеграмму с поздравлением двух молодых сотрудников распекаемой лаборатории. Не ждали! Но инверсия директорской речи прошла без проблем. От неожиданности директор чуть поперхнулся, но мгновенно оправился и без всякого перехода начал хвалить премированную лабораторию за получение всесоюзной комсомольской премии.

Инверсия ментальности у Бориса произошла тоже довольно быстро. Да и причина была. Молодой кандидат наук в области кибернетики и экологии, лауреат Всесоюзной Премии Ленинского Комсомола, со знанием английского языка - он покотился по миру на разные международные конференции, слеты, симпозиумы - США, Вьетнам, экспедиция по Дунаю через 6 стран ... Написал докторскую диссертацию. Был включен в правительственную комиссию по оценке экологического ущерба от пребывания советских войск в Германии. На медкомиссии при оформлении командировки в Германию как раз и выяснилась трагедия.

Как-то я сказал Тане, что она должна теперь относиться к Боре совсем иначе: нет больше неудачника, ищущего сочувствия. Но она не смогла перестроиться. Естественно, быстро нашлась женщина, которая с придыханием смотрела на кандидата-лауреата-делегата, великого ученого с большим будущим. Стереотип неудачника был начисто сломлен - теперь все получалось, и его понесло. Он стал успешным, заносчивым, остроумным, веселым, самоуверенным, бабником; я еле узнавал творение рук своих.

Он умер в 35 лет от рака крови, и две незнакомые между собой женщины - Таня и та - ухаживали за умирающим до последнего часа. Не знаю, это просто судьба отомстила переломившему ее бывшему неудачнику, или организм не выдержал невероятной психологической инверсии.